

УДК 94(47).084.6

УЧИТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЁМНОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1931–1934 гг.

ЗЛОБИН Андрей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Воронежский государственный университет инженерных технологий

АННОТАЦИЯ. В статье в контексте инициированной высшими органами партийной власти реформы среднего образования рассматриваются различные аспекты, связанные с профессиональной деятельностью, образованием, материальным и правовым положением учительства Центрально-Чернозёмной области. В числе прочих исследуется проблема восполнения недостаточности педагогических кадров путём ускоренной подготовки учителей в различных по статусу учебных заведениях, в том числе на ускоренных курсах повышения квалификации. С опорой на данные архивных материалов в работе изучаются материальные проблемы педагогов, связанные в том числе с задержками выплат заработной платы, трудностями со снабжением продуктами, дровами, квартирами. Приводятся факты нарушения и защиты прав педагогов органами советской и партийной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учителя, школьное образование, школа, повышение квалификации, реформа образования, повседневность.

TEACHING IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE YEARS OF EDUCATIONAL REFORMS 1931–1934

ZLOBIN A. N.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Philosophy and History, Voronezh State University of Engineering Technology

ABSTRACT. The article considers various aspects related to professional activity, education, material and legal status of teaching in the Central Black Earth Region in the context of the reform of secondary education initiated by the higher authorities of the party. Among others, the problem of making up for the lack of teaching staff through accelerated training of educators in various educational institutions, including accelerated courses of professional development, is studied. Based on the data of archival materials, the work examines the material problems of teachers, including delays in payment of wages, difficulties with the supply of food, firewood, and apartments. The facts of violation and protection of the rights of teachers by the Soviet and party authorities are given.

KEY WORDS: teachers, school education, school, professional development, education reform, everyday life.

В начале 1930-х гг. в советской системе образования наметился отход от старых принципов организации учебного процесса и методов преподавания. Основные положения реформы базировались на решениях ЦК ВКП(б) от 05.09.1931 г. «О начальной и средней школе» [1] и от 25.08.1932 г. «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы» [2]. В преподавании дисциплин отменялись «метод проектов» и «бригадный» метод, подвергался критике считавшийся ранее бесспорным тезис о грядущем «отмирании школы», вводилась классно-урочная система, твёрдое расписание, система проверки и оценки знаний учащихся. Кардинально в централизованном порядке менялись образовательные программы. Необходимость повышения качества образования выдвигало на первый план задачи улучшения подготовки учителей, а также повышение статуса учительской профессии, уровня материального благополучия педагогов.

Постановление «О начальной и средней школе» давало указания по организации подготовки педагогических кадров и по повышению зарплат учителей, подчёркивалась важность дифференцированного подхода к оплате труда педагогов в зависимости от квалификации и качества работы, а также необходимость развивать среди учительства социальное соревнование и ударничество, причем учителя-ударники должны были всячески поощряться. Снабжение учителей, согласно постановлению, должно осуществляться по нормам промышленных рабочих районов их проживания; в городах и промышленных районах учителя должны быть приписаны к закрытым рабочим столовым. В то же время в данном постановлении подчёркивалась ответственность учителя за качество школьной работы.

В постановлении «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы» давались указания, касающиеся повышения материального благосостояния и статуса учительства, предлагалось не отрывать учителей для общественной работы от занятий или подготовки к ним, органам советской власти предписывалось предусмотреть строительство жилых домов и домов отдыха для учителей, да-

вать педагогам путёвки в санаторно-курортные учреждения и принимать их детей в профессиональные учебные заведения наравне с рабочими.

Целью данной статьи является изучение изменений в положении учительства Центрально-Чернозёмной области, произошедших вследствие реализации постановлений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» и «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы», исследование социальной динамики, образования и особенностей быта работников школьного образования, анализ эволюции правового положения и защищённости педагогов.

В историографии советского периода проблемы развития и профессионального становления новых учительских кадров рассматривались через призму реализации партийных образовательных программ при изучении общих аспектов развития социалистической школы. Стоит выделить работы таких авторов, как В.С. Плясовских [3], Т.П. Бибанов [4] и А.В. Кольцов [5]. Среди современных исследователей в рамках изучения становления и развития школьного образования проблемы профессиональной подготовки и социального статуса учителей рассматривали: А.М. Липчанский [6], Л.И. Анайкина [7], З.Г. Дайч [8]. В контексте проводимых органами государственной власти реформ образования проблемы советского учительства 1930-х гг. затрагивал А.В. Новичков [9]. В.А. Гордеев и А.А. Гордеев обращались к вопросам истории педагогики при изучении индустриальной политики государства [10]. Среди региональных историков, останавливавших своё внимание на проблеме становления учительских кадров в советской школе, стоит выделить Ю.В. Пикалова [11], О.М. Бызову [12], Э.Е. Протасову [13] и В.В. Зияневу [14]. Заметный вклад в исследование отечественного образования 1930-х гг. внесли западные ученые [15; 16; 17], затрагивавшие в своих работах проблемы эволюции советского учительства.

Комплексно вопросы квалификации и подготовки педагогических кадров, материального положения, социального статуса и соблюдения прав учителей, а также проблемы политической лояльности и социальной защищённости педагогов в Центрально-Чернозёмной области периода индустриализации в данной работе ставятся впервые. Этим в первую очередь объясняется актуальность данного исследования. К источниковой базе статьи относятся материалы Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, Государственного архива Воронежской области, Государственного архива Российской Федерации, а также материалы журнала «Культурный фронт ЦЧО» и опубликованные документы. Многие архивные материалы в научный оборот вводятся впервые.

В постановлениях ЦК ВКП(б) от 05.09.1931 г. и от 25.08.1932 г. подчёркивалась особая роль учителя в деле обучения детей основам наук и воспитания в них осознанной дисциплины. К сожалению, сегодня заметно обратное изменение в понимании роли учителя в процессе обучения и воспитания, акцент при планировании учебного процесса, как и во времена «метода проектов», делается на умении работать в команде, самостоятельный поиск информации, снижается контроль за качеством получаемых знаний. Опыт советской школы переломного времени начала индустриализации может снова пригодиться в будущем на новом витке глубокой трансформации российской экономики.

Большой проблемой в ЦЧО, как и во всей стране, была нехватка учителей, их низкая квалификация и чрезмерная загруженность. Средняя норма нагрузки на учителя в начальной школе составляла 46,5 чел., а в средней школе – 40 чел. [18, л. 88]. К началу 1932–1933 уч. года недостаток педагогических кадров по области составлял для школ первой ступени 1383 чел., по ШКМ и ФЭС – 348 чел. Недостаток частично покрывался выпуском 225 чел. курсантов семимесячных курсов, проведением мобилизации комсомольцев, работающих не по специальности, и в итоге составил 530 чел., что было покрыто практикой студентов педагогических техникумов и совместительством [19, л. 49 об.]. Недостаток учителей на 1 сентября 1933 г. несколько сократился и составлял по начальной школе 450 чел., по средней школе – 564 чел., в том числе неоставало 180 чел. обществоведов. Недостаток кадров покрывался прежде всего за счёт получения кадров из Народного комиссариата просвещения: было прислано по распределению 348 чел. [20, л. 50]. Работающих не по специальности в 1931 г. было мобилизовано 145 чел., в 1932 г. – 316 чел., 1933 г. – 113 чел. [18, л. 88].

В начальной школе в 1933 г. имелось 29765 учителей против 18171 в 1929–1930 уч. году, а в средней школе соответственно 10339 против 4551 чел. В 1933–1934 уч. году в начальной школе работало 40% учителей с низшим образованием и краткосрочной педагогической подготовкой, 34,1% – со стажем от 1 до 3 лет. В средней школе 10% сельских учителей и 5,5% городских имели низшее образование. В составе учителей средней школы села только 6% имели высшее образование, 13% – незаконченное высшее. В городских средних школах высшее образование имели 21,1% учителей, незаконченное высшее – 13,9%. Уменьшение процента учителей средней школы с высшим образованием происходило за счёт продвижения учителей со средним образованием, студентов вечерних и заочных педтехникумов.

Если брать весь состав учительского сообщества, то стаж работы до 1 года имело 13,7% сельских учителей, 5,5% – городских; 29% сельских учителей и 13,7% городских имели стаж от 1 до 3 лет [20, л. 49; 18, л. 64]. На базе среднего образования занимались педагогической деятельностью 71% учителей сельских общеобразовательных школ и 56,5% городских [20, л. 49].

Проблема нехватки и низкой квалификации учителей была характерна для всей страны. Например, в Челябинской области в 1934 г. насчитывалось 11038 учителей, но их было по-прежнему недостаточно, а те, что имелись, порой обладали низкой профессиональной подготовкой [14, с. 129–131]. В начальной школе учителей с низшим образованием было 17,7%, с образованием ниже семилетнего – 24%, с семилетним образованием – 26%, со средним – 33%. В неполной средней школе трудились: с незаконченным средним образованием – 38% учителей, со средним – 59%, а с высшим – лишь 3%. В средних школах незаконченное среднее образование имели 24% учителей, среднее – 61%, высшее – 15% [21, л. 127, 57; 22, л. 1-17; 23, л. 24; 24, л. 12-13].

Характерно, что партийная прослойка учительства почти не менялась. Как положительный момент власть оценивала рост комсомольского ядра, снижение процента выходцев из прежнего духовного сословия, некоторое повышение рабочей про-

слойки [20, л. 50; 25, л. 129]. Указанный рост объяснялся притоком в ряды учительства молодёжи из педагогических техникумов и педагогических курсов. При этом среди педагогов оставался большой процент выходцев из дворян, буржуазии, кулаков [18, л. 64, 67; 20, л. 49; 25, л. 129].

6 января 1931 г. коллегия Наркомата просвещения постановила: «ускорить выпуск учителей с педкурсов, ...мобилизовать на педработу лиц, могущих вести занятия в младших группах начальной школы» [26, л. 26]. В приказе Наркомпроса №18 от 9 января 1932 г. отмечалось, что «в свете решений ЦК партии о начальной и средней школе повышение квалификации и заочная подготовка педкадров приобретает исключительно важное политическое значение» [27, л. 42]. Эти решения послужили основанием для создания и развития широкой сети краткосрочных учительских курсов. В результате только за 1931–1935 гг. они дали школе 148 тысяч учителей [28, л. 9].

В августе 1933 г. Наркомпрос принял постановление о создании постоянно действующей системы повышения квалификации учительских кадров. Были установлены конкретные сроки получения педагогами полноценного образования, определено количество лиц, обязанных в тот или иной период сдать экстерном экзамены по программе вуза или техникума. С целью придания работе планомерного характера в структуре Наркомпроса создавалось новое подразделение – «Управление подготовки учителей» [9, с. 140].

Методологическая помощь учителю в ЦЧО организовывалась посредством следующих форм: укрепление работы инструкторов-методистов, проведение районных 3–5-дневных учительских конференций, организация постоянно действующих методических объединений, прикреплений опытных учителей к молодым, инструктаж по методическим вопросам в образцовых школах, снабжение школ руководящей методической литературой [25, л. 129].

Одной из самых распространённых и массовых форм повышения квалификации педагогов были краткосрочные курсы повышения квалификации учительства во время каникул. Через областные курсы при Институте повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО) в 1932 г. прошло 1806 работников РОНО, педтехникумов, образцовых школ, зав. школами и т.д., в 1933 г. с января по октябрь – 2121 чел. На районных краткосрочных курсах в 1932 г. обучалось 3268 чел., в 1933 г. – 15059, главным образом из числа учителей, не имевших среднего образования [25, л. 131]. По поручению ИПККНО при пединститутах и педтехникумах открывались краткосрочные одномесячные и полуторамесячные курсы для преподавателей общественно-научного и политехнического труда [20, л. 51]. Самообразовательной работой было охвачено в 1933 г. 2000 учителей, заочным обучением – 6112 чел. по курсу педтехникумов и 2900 чел. по курсу пединститутов. Для группы учителей в 3500 чел. было организовано изучение основ производства, для 1183 чел. – военные лагеря.

В связи с указаниями ЦК ВКП(б) в ЦЧО приступили к организации образцовых школ, на базе которых учителя обычных школ должны были повысить своё педагогическое мастерство. Эти новые школы должны были служить эталоном в организации всего учебно-педагогического процесса. Процесс создания образцовых школ шёл очень трудно.

Не везде хватало опытных педагогов и методистов, не всегда имелось нужное оборудование, помещения, инвентарь, регулярно случались перебои с учебниками. Как отмечается в одном из докладов ОблОНО, «некоторые "образцовые школы" не только не могут служить образцами лучшей организации всего учебного процесса, но и сами дают очень низкие показатели грамотности, иногда даже ниже рядовых школ (Мценская, Казацкая, Ст. Оскольского района и др.)» [25, л. 130]. В статье «Первые итоги в борьбе за образцовую школу» редакция журнала «Культурный фронт ЦЧО» отмечала: «Необходимо как можно быстрее подвести материальную базу для образцовых школ, обеспечить их требуемыми помещениями, увеличить снабжение методической и педлитературой... Необходимо принять меры к повышению квалификации педагогов... рационализировать работу в школе и в общественных организациях для выделения времени педагогу для повышения квалификации» [29, с. 30].

Подготовка новых педагогических кадров велась в 1 университете, 3 педвузах, 50 техникумах, 6 педагогических рабфаках (3 дневных, 3 вечерних) и через сеть курсов при педагогических вузах и техникумах. В заведениях, готовивших педагогические кадры высшей квалификации, контингент составлял в 1928 г. 1176 чел., в 1932 г. – 2750 чел., в 1933 г. – 2685 чел., а в учреждениях по подготовке педагогических кадров средней квалификации соответственно по годам 5519, 12077, 10700 чел. На педагогических рабфаках обучалось 2597 чел. Через курсы при педвузах и педтехникумах удалось подготовить в 1932 г. 4000 чел. В 1933 г. была развернута сеть курсов на 1600 чел. учителей начальных школ и 500 чел. для средних школ [25, л. 133].

Подготовка учителя понималась не как его личное добровольное дело, а как «государственная служебная обязанность, поскольку ... к учителю предъявлены определённые требования в отношении качества его работы». Заведующие школами несли личную ответственность за работу по подготовке каждого учителя, были обязаны способствовать созданию условий для этой работы, оказывать помощь и принимать участие в определении форм повышения квалификации педагогов [30, с. 5].

Помимо основной работы, несмотря на рекомендации партийных постановлений, учителя постоянно привлекались к выполнению различного рода общественных работ. По сведениям из 98 районов, просвещенцами в 1933 г. на уборочной и хлебозаготовительной кампаниях были осуществлены следующие мероприятия: организовано 196 просвещенческих бригад; 7391 чел. приняли непосредственное участие; проведено 249 учительских субботников, 11651 докладов-бесед с колхозниками и единоличниками, 128 женских собраний, 2105 собраний с колхозниками и единоличниками; выпущено по колхозам 9877 номеров стенгазет; организовано 98 эстафет, 91 детская площадка, 338 красных уголков, 60 колхозных клубов, 351 библиотека-передвижка, 14 агитпунктов при ссыльных пунктах, 154 столов-справок; заскировано силами просвещенцев 15648 копен, обмолочено 9495 копен, скошено 307 га, срублено 65,5 га подсолнуха, выкопано 162 ц свеклы, собрано с учащимися 541 ц колосье; организовано 107 красных обозов; заготовлено 31265 ц хлеба, 9683 ц картофеля, 6756 ц капусты.

Значительным являлся вклад просвещенцев в мобилизацию средств. В 3 квартале 1933 г. ими

было реализовано среди единоличников и колхозников займов на 2062085 руб., мобилизовано средств разных платежей на 541889 руб., организовано 13 финансовых штабов. За ударную работу по финансовой работе сельсовета и райисполкома было премировано 129 чел. Учитывая, что в 1933 г. в Центрально-Чернозёмной области разразился страшный голод, участие в якобы добровольных сборах средств с населения не приносило учительской профессии дополнительного уважения и вряд ли выполнялось самими учителями с большим энтузиазмом [31, с. 215].

Активному участию учительства в хозяйственно-политических кампаниях способствовало то, что в состав учительских кадров влились новые работницы, из которых многие были культармейцами, работниками сельсоветов и колхозов. Городское учительство, по замечанию партийных проверяющих, значительно отставало от сельского в размахе общественной работы. Факты инертности, оторванности учителей от общественной работы объяснялись перегруженностью учителей и плохой воспитательной работой [20, л. 62-63]. В большинстве случаев общественная работа проводится без заранее установленного плана, что говорит о том, что общественная работа не была увязана с учебными и воспитательными задачами и выполнялась зачастую формально, по принуждению или из-за невозможности от неё отказаться [32, л. 16].

В результатах одной из областных проверок работы школ отмечается, что «несмотря на то, что случаи отрыва учителей на непостоянную работу во время занятий прекратились как массовое явление, однако продолжает иметь место практика посылки на кампании обществоведов... Роль профсоюзных организаций в борьбе за улучшение материально-правового положения учительства в районах неудовлетворительна, а в ряде районов совершенно незаметна» [19, л. 51 об.].

Очевидно, что не все учителя были настроены абсолютно лояльно по отношению к советской власти. Антисоветские, по тогдашней терминологии, настроения среди учительства выражались в попытках уклониться от проведения общественной работы, поддержке родственников-кулаков [25, л. 133]. К числу таких фактов в документах относятся, к примеру, укрытие кулацкого хлеба учительницей Неретинской школы Алексеевского района Матвеевой, поддержка кулаков родственниками учителями Репьёвского района Аристовым и Сапроновым.

По жалобе одного из педагогических работников, редакция газеты «Будь готов» инициировала проверку Сухово-Гаёвской школы Верхне-Хавского района. Проверка выявила, что зав. школой Ф.С. Звягинцев и его жена, учитель школы, применяли физические методы воздействия на учащихся. Школьник Вася Куркин рассказывал проверяющему, что Ф.С. Звягинцев ударил его кулаком по глазу во время урока, неоднократно выгонял за дверь из класса. Вася Пядухов показал, что зав. школой бил его костью по спине и руке. Колю Павлова педагог ударил во время урока у доски по нижней челюсти, Алёша Хвостов получал от него щелчки по голове. На уроках Звягинцев постоянно кричал и обзывал детей грубыми словами: «баран», «идиот», «чёрт», «дурак». Ученика Гончарова он ударил линейкой по голове, приговаривая: «Вот так надо делать». Жена заведующего рвала тетради учеников, обзывала их «мерзавцами», «идиотиками»,

«бандитами», ставила в угол перед всем классом, трепала за уши, выгоняла из класса [33, л. 12-13]. Дочь Звягинцевых, ученица этой же школы, организовала выход группы учащихся из комсомольской организации. Проверяющие связали антипедагогические методы работы Звягинцевых и антикомсомольский выпад их дочери с социальным происхождением семьи, прямо обвинив их во враждебности советскому строю. Ф.С. Звягинцев был сыном крупного торговца в бывшем Землянском уезде, окончил учительскую семинарию и с 1912 г. являлся заведующим Сухово-Гаёвской школы. М.С. Звягинцева являлась дочерью урядника села Хавы, училась в Воронежской женской гимназии и с 1912 г. работала вместе с мужем в школе села Сухие Гаи. По мысли проверяющих, недовольство советской властью этих педагогов вылилось в жестокое обращение с учениками [33, л. 15-18].

Примером критического отношения части учителей к советской власти в архивных документах называли, в частности, учительницу пения одной из сельских школ Кривенко, которая в своей работе допускала разучивание с детьми идеологически невыдержанных песен, а именно: «На смерть Чернышевского», «На кладбище Митрофанья», «Будем рыбу кормить комсомольцами», «Яблочко» и т.п. [34, л. 4].

В 1933 г. была проведена перетарификация оплаты труда учителей в зависимости от качества работы каждого учителя. Ликвидация уравниловки в оплате труда имела целью создать дополнительные стимулы к повышению квалификации учительства. По данным из 59 районов области, учителей начальной школы, переведённых в высшие разряды, насчитывалось 1326 чел., средней школы – 518 чел. Было решено премировать за высокое качество работы за счёт местного бюджета 172 чел., представлено на получение премий им. наркома просвещения А.С. Бубнова 14 учителей. 464 учителя начальной школы и 88 учителей средней школы по этим же районам было понижено в разрядах. Как видно по результатам, перетарификация не носила репрессивного характера по отношению к учителям, большая часть педагогов или сохранила свой статус или повысила его. Кроме того, перетарификация дала определённые результаты организационного толка: создала стимул для повышения квалификации учительства, повысила активность педагогов, позволила РОНО и зав. школами глубже вникнуть в работу педагогических коллективов. Недостатками перетарификации являлись дача стереотипных заключений о качестве работы того или иного учителя и недостаточная обоснованность мотивов перевода в высший или низший разряд [20, л. 46]. Зарплата учителя в 1933 г. составляла в начальной школе от 69 до 115 руб. в месяц, а основная ставка учителя средней школы – от 106 до 164 руб. [20, л. 46] Стоит отметить, что зарплаты учителей не выглядели очень низкими на фоне окладов советских чиновников. Например, нарком просвещения и его заместителям устанавливался с 11 октября 1929 г. ежемесячный оклад в 225 руб., а самому низкооплачиваемому сотруднику (курьеру наркомата) – 50 руб. [35, л. 58].

Во исполнение партийных постановлений о выравнивании снабжения учителей к снабжению рабочих в 1932 г. учителя 16 промышленных городов ЦЧО (Воронеж, Курск, Орёл, Тамбов, Липецк, Елец, Борисоглебск, Козлов, Белгород, Рассказово, Моршанск, Острогожск, Старый Оскол, Льгов, Рос-

сошь и Павловск) были переведены на снабжение по списку №2 за счёт централизованных фондов (ранее снабжался по списку №3); учителя колхозов и совхозов – по списку №2 за счёт колхозов и совхозов; учителя непромышленных городов и не обслуживавшие колхозы и совхозы должны были снабжаться по списку №3 из централизованного фонда. Преподаватели техникумов, рабфаков, совпартшкол, ФЗУ, инструктора по труду, воспитатели детдомов, интернатов и дошкольных учреждений приравнивались к учителям начальной и средней школы [36, л. 20]. Данные мероприятия должны были улучшить материальное положение учителей, однако из-за проблем с продовольствием это произошло далеко не везде. Только Старо-Оскольский, Белгородский, Коротоякский, Тамбовский районы сообщили о том, что школьные работники снабжены в процентном отношении промтоварами в 1-м квартале от 100 до 200%. Но таких благополучных районов было очень мало [36, л. 45 об.].

Кроме того, многим было непонятно, почему только 16 из 40 городов ЦЧО снабжаются по списку №2. Даже крупным административным работникам такое положение дел виделось крайне несправедливым. На одном из совещаний этот вопрос был поднят представителем Облпотребсоюза, который сообщил, что ставил его перед Облпрокурором и Центросоюзом. Ему ответили, что «постановление по этому вопросу напечатано в такой-то периодической печати, в то время как мне нужен был не источник, а разъяснение самой сути дела, как снабжать в наших создавшихся условиях. Я опять запросил, чтобы ответили, не где напечатано постановление, а как надо поступить, но пока что ответа нет до сих пор. Моё мнение – остальные города должны снабжаться наравне с теми 16-ю или же давайте называть их сёлами» [36, л. 47].

Фиксировались случаи нарушений прав и законных интересов учителей. Проверяющие Культпропа указывали на несвоевременную выплату заработной платы (Ольховатский, Россошанский, Мордовский, Р. Хавский, Раненбургский, Косторенский, Давыдовский районы). В отдельных сельсоветах зарплата задерживалась по 2–3 месяца. Ряд виновников были привлечены к ответственности. Отмечался формальный подход к осуществлению принципа дифференцированной оплаты труда, когда в основу брали только формальный признак – наличие образования, совершенно не учитывая педагогический стаж, знание предмета, качество работы (Моршанский район). Допускалась невыплата квартирных по действительной стоимости (Лебедянский район), задержка в отдельных колхозах выдачи продовольственного пайка, имело место неудовлетворительное снабжение промтоварами. Указывалось даже на факты незаконных арестов учителей [19, л. 51].

В 1932 г. наблюдался рост задолженности перед учителями по зарплате. В начале года она имела в 65 районах области, наиболее крупная обнаружилась в Львовском районе – 80 тыс. руб., Моршанском – 45 тыс. руб., Новосильском – 25 тыс. руб., Раненбургском – 28 тыс. руб., Рыльском – 24 тыс. руб., Старо-Юрьевском – 25 тыс. руб., Скороднянском – 28 тыс. руб. Общая суммы долга к 19 мая составила 785500 руб. и увеличивалась с каждым месяцем [36, л. 51].

Правительственная комиссия, обследовавшая в апреле 1932 г. работу ЦЧО в области народного образования и проверившая 14 районов и 103 школы,

признала, что «наряду с общим улучшением снабжения просвещенцев ЦЧО по ряду районов мы имеем за 1 квартал значительное невыполнение распоряжений правительства по этому вопросу. По некоторым районам (Борисовский, Боринско-Заводский, Бутурлиновский, Ивнянский, Суржанский, Уразовский, Бобровский) нормы пайка не только снижены, но и выдавались со значительным опозданием... Ввиду недостаточного завоза промтоваров в область потребности просвещенцев покрываются не более чем на 40%» [36, л. 1 об.].

Некоторые районы (Малоархангельский, Грайворонский, Старо-Оскольский, Усманский, Суджанский, Дмитриевский, Задонский), не имея возможности в условиях бедности и экономических проблем выполнить партийные решения и правительственные указания, совершенно снимали учителей со снабжения, не давали квартиры и не выплачивали средства на съём жилья. В Козловском районе «дошли до полного игнорирования интересов учителей, роняли авторитет, заставляя ходить по дворам и собирать хлеб». В 1932 г. Облпотребсоюз, Облснаб совершенно сняли со снабжения технических работников, политпросветработников. Многие районы перестали снабжать педагогов и студентов подтехникумов. В Дмитриевском и Старо-Оскольском районах имели место случаи, когда «студенты и учителя расходились», не имея материальной возможности продолжать работу и учёбу [36, л. 50].

Проблема задержки и невыплаты зарплат учителям не была решена в исследуемый период и перешла на следующий этап эволюции системы советского образования, достигнув критической точки к середине 1930-х гг. В 1936 г. в связи с регулярными задержками заработной платы учителям, наркомом финансов СССР и РСФСР ставилось на вид, председателем Воронежского облисполкома объявлялся выговор, а заведующий Воронежским ОблОНО отстранялся от работы и назначался на должность заведующим РОНО. В конце 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос «О задолженности по зарплате учителям Курской области», постановило: «Принять предложение т. Вышинского о привлечении к уголовной ответственности заведующих РайОНО Советского, Кореневского, Косторенского, Старо-Оскольского, Горшеченского и Ракитянского районов с тем, чтобы к наиболее злостным виновникам применить безусловное заключение под стражу» [9, с. 73].

В Устинском сельсовете Моршанского района 17 школьных работников не снабжали пайком, квартирами и дровами. Районные власти заставляли их обивать пороги сельсовета и правлений колхозов, где в свою очередь тоже не хотели разговаривать. Некоторые из них были вынуждены продавать свои вещи на покупку продовольствия. При проверке списков, прикрепленных к закрытому магазину специалистов, оказалось, что к нему прикреплены 200 человек, не имеющих никакого отношения к специалистам: домашние работницы, посудомойки, зав. столовых, делопроизводители и т.п., вследствие чего магазин превратился в место очередей, почему иногда специалистам не доставалось хлеба. В посёлке Матренском продовольственный паёк не выдавался до 5 месяцев. На просьбу учительницы Кедровой выдать паёк председатель колхоза заявил, что «скоро вырастет силос, тогда буду всех снабжать». Из сельпо за 1932 г. только часть учителей в январе месяце получили по 3 кг сахара и 1 куску мыла [37, л. 76].

В первой половине 1933 г. основная масса работников просвещения снабжалась продуктами питания из колхозов по норме от 14,2 до 24 кг в месяц муки и 2 кг крупы. В некоторых районах было организовано снабжение учителей вперёд на целый год. Промтоваров было занаряжено по системе Потребсоюза на 500000 руб. и по системе ГОРТ – на 150000 руб. Снабжение во 2 и 3 кварталах 1933 г. шло напряжённо (пик голода. – А.З.) ввиду ограниченных размеров продовольственных фондов области. Большинство учителей в этот период снабжалось по норме до 8 кг муки. На этот период главным образом падают масса жалоб учителей на плохое снабжение и задержку пайка (более 100 жалоб в ОблОНО) [20, л. 46-47].

В то же время в некоторых районах и крупных городах бытовые условия учительства несколько улучшились. Квартирный вопрос должен был решаться или предоставлением кулацких домов, или компенсацией фактической стоимости найма жилья, а в городах – путём закрепления определённого процента квартир в новостроящихся домах [36, л. 52]. Признавалось, что педагоги стали чаще обеспечиваться квартирами, топливом и другими коммунальными услугами. Однако не все районы выполняли требования органов государственной и партийной власти по снабжению учителей, ссылаясь на отсутствие раскулаченных домов и предусмотренных бюджетных средств.

Направление просвещенцев на курортный отдых по сравнению с прошлым годом увеличилось на 100%, но всё равно количество отдыхающих на курортах учителей продолжало оставаться мизерным. В 1931 г. учителям было дано 140 путёвок, в 1932 г. – 280. Просвещенцы посылались, как правило, на южный берег Крыма. Отмечалось, что Облстрахкасса, Курбюро стали оказывать содействие в направлении на курорты и в дома отдыха просвещенцев и в особенности их детей, тогда как в прошлые годы подобное практически не наблюдалось [36, л. 51].

Гражданские и экономические права просвещенцев нередко нарушались. Например, в Дмитровском районе учитель Захарова, сын которой находился на службе в Красной армии и не мог заступиться за больную мать, была обложена твёрдым заданием, кроме того, у неё была отобрана корова. Основанием для санкций явилось то, что свекровь Захаровой является иждивенкой, имеет дом и раньше занималась торговлей. В Шигровском районе была раскулачена мать учителя Денисова, работавшего в Пятигорске, отобрано имущество. Массовой переборской учителей из школы в школу занимались власти Петропавловского, Иванинского, Никитовского и других районов [38, л. 24].

Необходимо отметить, что власти кроме того, часто нарушали права и законные интересы учителей, нередко по принципиальным вопросам становились на их защиту. Например, за «небрежно-невнимательное отношение к директивам Партии и Правительства» о снабжении просвещенцев был снят с работы в 1932–1933 гг. 21 член правления Райпотребсоюзов с привлечением части из них к судебной ответственности. В Ракитянский районе окончивший педтехникум и имевший три года стажа учитель Столяренко, ударник, батрак по происхождению, комсомолец, был уволен и отдан под суд по ложному обвинению в изнасиловании учительницы, на самом деле причиной возникших проблем стала его критика деятельности РОНО на конференции. Учитель был восстановлен в должности, а

виновные в травле Облпрокуратурой привлечены к ответственности. Учительница Белкина, имевшая стаж 21 год и высшее образование, уволенная с работы и снятая со снабжения, выселенная из квартиры по обвинению в организации склоки среди преподавателей и неумелом ведении уроков родного языка, была восстановлена ОблОНО на работе и в правах. Завуч школы, допустивший произвол, был уволен с работы [38, л. 24]. В Волоколамском районе за учительницу Пожарскую, ложно обвинённую в укрывательстве кулацкого хлеба, заступился ОблОНО. В обком и райком партии были направлены просьбы в тщательном разборе дела и наказании виновных [38, л. 35].

В целом в начале 1930-х гг. на фоне отказа от смелых экспериментов 1920-х гг. и возвращения ко многим дореволюционным образовательным практикам происходило восстановление статуса учителя, как представителя не «отмирающей», а полноценной и уважаемой профессии. Власти предпринимали действенные меры по повышению общественного статуса и материального обеспечения учителей, проводилась большая работа по подготовке новых и по повышению квалификации уже имеющих педагогов. При этом не всё удавалось сделать в запланированные сроки и в полном объёме.

Образовательный процесс в Центрально-Чернозёмном регионе имел свою специфику. С одной стороны, благодаря усилиям органов партийной власти и педагогической общественности имели место удовлетворительные темпы борьбы с неграмотностью, своевременный переход ко всеобщему обязательному начальному обучению и к семилетней школе. В то же время аграрный характер экономики региона, огромные затраты, необходимые на реализацию планов по ускоренной индустриализации, последствия голода 1933 г. не позволяли обеспечивать потребности учителей в том объёме, в котором это было предусмотрено партийными постановлениями.

Большая часть учителей области прилагали все зависящие от них усилия, чтобы добросовестно выполнять свой профессиональный долг. Педагоги осваивали новые программы, внедряли требуемые методы обучения, повышали свою квалификацию, а более опытные учили молодых специалистов. Условия жизни учителей, хотя и улучшались, но далеко не во всех районах и в целом продолжали оставаться очень низкими. Особенно в неблагоприятном положении оказались педагоги, происходившие из т.н. «бывших» или имевшие неблагоприятных с точки зрения власти родственников. Их права были плохо защищены, а возможности профессионального роста ограничены. В то же время большинство учителей были лояльны по отношению к советской власти и, пусть вынужденно, но без особых протестов участвовали в возлагаемых на них обязательных формах общественной жизни.

На следующем этапе реформы образования, начавшемся в 1934 г. с решений XVII съезда ВКП(б) и совпавшем по времени с разделением ЦЧО на Воронежскую и Курскую области, ответственность, уровень образования и материального благополучия учителей продолжали расти. Были сняты многие дискриминационные пережитки прошлого. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 29.12.1935 г. снимались ограничения при приёме абитуриентов в высшие и средние учебные заведения, связанные с их социальным происхождением. В постановлении делался вывод о том, что эти ограничения «в настоящее время не вызываются необходимостью» [39, с. 426].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Постановление ЦК ВКП(б) от 05.09.1931 г. «О начальной и средней школе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/53561>.
2. Постановление ЦК ВКП(б) от 25.08.1932 г. «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/57330>.
3. Плясовских, В. С. Политика КПСС в области народного образования: опыт разработки и реализации [Текст] / В. С. Плясовских. – М., 1987. – 454 с.
4. Бибанов, Т. П. Деятельность коммунистической партии по развитию и совершенствованию школ РСФСР в 1929–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Т. П. Бибанов. – М., 1971. – 20 с.
5. Кольцов, А. В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932) [Текст] / А. В. Кольцов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 74 с.
6. Липчанский, А. М. Становление в России общего массового школьного образования в период социально-экономических преобразований : 1861–1941 гг. Опыт, уроки : автореф. дис. ... докт. ист. наук [Текст] / А. М. Липчанский. – М., 2001. – 30 с.
7. Анайкина, Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук [Текст] / Л. И. Анайкина. – М., 2001. – 25 с.
8. Дайч, З. Г. Школьная политика в СССР. Уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития [Текст] / З. Г. Дайч. – М. : МПГУ, 1991. – 382 с.
9. Новичков, А. В. Реформирование советской системы народного образования в 1930-е годы [Текст] / А. В. Новичков. – М. : МГОГИ, 2013. – 139 с.
10. Гордеев, В. А. Образовательная составляющая отечественной индустриализации [Текст] / В. А. Гордеев, А. А. Гордеев // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 6. – С. 40-43.
11. Пикалов, Ю. В. Становление школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в 1922–1941 годы [Текст] / Ю. В. Пикалов // История и культура Приамурья. – 2007. – № 1.
12. Бызова, О. М. Строительство общеобразовательных учреждений в Москве в годы первой пятилетки [Текст] / О. М. Бызова // Вестник МГСУ. – 2013. – № 6. – С. 236-238.
13. Протасова, Э. Е. Сельская школа на Урале в 1929–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Э. Е. Протасова. – Екатеринбург, 2002. – 302 с.
14. Зияянев, В. В. Введение всеобщего и реформа школы в годы первых пятилеток на Южном Урале [Текст] / В. В. Зияянев // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2012. – № 1(7). – С. 128-137.
15. Hans, N. Education and Soviet Russia [Text] / N. Hans, S. Hessen. – London : King, 1930. – 236 p.
16. Tomasic, D. The Impact of Russian Culture on Soviet Communism [Text] / D. Tomasic. – Glencoe : Free press, 1953. – 285 p.
17. Fitzpatrick, Sh. The Commissariat of Enlightenment [Text] / Sh. Fitzpatrick. – Cambridge univ. press, 1970. – 380 p.
18. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2589.
19. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2157.
20. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2625.
21. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 2306. – Оп. 70. – Д. 1603.
22. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 58. – Д. 2255.
23. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 75. – Д. 4374.
24. ГАРФ. – Ф. Р-1946. – Оп. 1. – Д. 62.
25. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2149.
26. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 69. – Д. 2112.
27. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 69. – Д. 2132.
28. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 69. – Д. 2223.
29. Первые итоги в борьбе за образцовую школу [Текст] // Культурный фронт ЦЧО. – 1932. – № 1. – С. 27-30.
30. Баранова, М. Борьба за качество – борьба за кадры [Текст] / М. Баранова // Культурный фронт ЦЧО. – 1933. – № 9. – С. 3-9.
31. Загоровский, П. В. Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. : дис. ... докт. ист. наук [Текст] / П. В. Загоровский. – Воронеж, 1999. – 468 с.
32. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2623.
33. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2627.
34. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 1439. – Оп. 5. – Д. 138.
35. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 69. – Д. 2106.
36. ГАВО. – Ф. 1439. – Оп. 5. – Д. 260.
37. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1957.
38. ГАОПИ ВО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2140.
39. Народное образование СССР. Сборник Документов. 1917–1973 гг. [Текст]. – М. : Педагогика, 1974. – 559 с.